

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.6>

UDC 94(470)
LBC 63.3(2)512

Submitted: 04.12.2024
Accepted: 03.06.2025

COURLAND PROBLEM IN THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE UNDER CATHERINE I: RUSSIAN-POLISH-COURLAND RELATIONS AFTER THE GRODNO SEJM OF 1726

Marina T. Nakishova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article is devoted to the study of private subjects of the Courland crisis of the turn of 1726–1727, which united different states that had geopolitical interests in the Baltic region. The events that took place in Courland after the Polish Grodno Sejm (September 28 – November 9, 1726) on the eve of the arrival of a special investigative commission in Mitawa are being reconstructed. *Methods and materials.* The source base was made up of documents related to the mission of the General-Chief of Police A.M. Devieir, sent to Mitawa in early 1727, and complexes of private correspondence of Russian statesmen and envoys in Courland and Poland involved in resolving this foreign policy issue. A detailed study of this source complex allows not only the reconstruction of the events that took place in Courland but also the tracing of the strategies of the behavior of governments as the Courland issue is resolved. *Analysis.* The actions of the Courland, Russian, and Polish political elites are considered regarding the decision on the preservation or abolition of “ancient” rights and autonomies and the accession or non-accession of the Duchy of Courland and Semigalia to the Polish-Lithuanian Commonwealth. In the general political context, the mission of A.M. Devieir and his contacts with the Courland elite and Moritz of Saxony, who claimed the Courland throne, are analyzed. Based on the reports of the tsarist envoys in Mitawa, the verdicts of the Courland sejm, which took place from February 22 to March 4, 1727, are reconstructed. *Results.* As a result, it is emphasized that the confirmation of the previous status of Courland and Semigalia before the death of Ferdinand Ketler, despite the actions of interested parties, seemed the only correct decision in the current political situation. At the conclusion of the article, a translation of the instruction of Captain E. von Medem, which he received on March 1, 1727, from the deputies of the Courland Seymic for presentation at the Senate Collegium in Warsaw, is published for the first time. *Funding.* The research was carried out with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation № 23-78-01059, <https://rsrf.ru/project/23-78-01059/>.

Key words: Duchy of Courland and Semigalia, Russian Empire, Polish-Lithuanian Commonwealth, Grodno Sejm, Mitawa, social ties.

Citation. Nakishova M.T. Courland Problem in the Foreign Policy of the Russian Empire Under Catherine I: Russian-Polish-Courland Relations After the Grodno Sejm of 1726. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istochnika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 57-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.6>

КУРЛЯНДСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ I: РУССКО-ПОЛЬСКО-КУРЛЯНДСКИЕ СВЯЗИ ПОСЛЕ ГРОДНЕНСКОГО СЕЙМА 1726 ГОДА

Марина Тазабаевна Накишова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья посвящена изучению частных сюжетов так называемого курляндского кризиса рубежа 1726–1727 гг., объединившего различные государства, имевшие геополитические интересы в Прибалтийском регионе. Реконструируются события, происходившие в Курляндии после польского Гродненского сейма (28 сентября – 9 ноября 1726 г.) накануне приезда в Митаву специальной следственной комиссии. *Методы и материалы.* Основу источниковой базы составили документы, относящиеся к материалам миссии генерал-полицеймейстера А.М. Девиера, отправленного в Митаву в начале 1727 г., комплексы частной корреспонденции русских государственных деятелей и посланников в Курляндии и Польше, занятых в решении данного внешнеполитического вопроса. Детальное изучение настоящего источникового комплекса позволяет не только реконструировать события, происходившие в Курляндии, но и проследить стратегии поведения правительства в целях урегулирования курляндского кризиса. *Анализ.* Рассматриваются действия курляндской, русской и польской политических элит относительно решения вопроса о сохранении или упразднении «древних» прав и автономий и присоединения или неприсоединения герцогства Курляндия и Семигалия к Речи Посполитой. В общеполитическом контексте анализируется миссия генерал-полицеймейстера А.М. Девиера, его контакты с курляндским рыцарством и Морицом Саксонским. На основе донесений царских посланников в Митаве реконструируются вердикты курляндского ландтага, проходившего с 22 февраля по 4 марта 1727 года. *Результаты.* В результате подчеркивается, что подтверждение прежнего статуса Курляндии и Семигалии до смерти Фердинанда Кетлера, несмотря на действия заинтересованных сторон, представлялось единственным верным решением в условиях сложившейся политической конъюнктуры. В приложении к статье впервые публикуется перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема, полученной им 1 марта 1727 г. от депутатов курляндского ландтага для представления на Сенат-консилиум в Варшаве. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01059 («Механизмы функционирования социальных связей в контексте государственного реформирования в России во второй половине XVII – начале XVIII вв.»), <https://rscf.ru/project/23-78-01059/>.

Ключевые слова: герцогство Курляндия и Семигалия, Российская империя, Речь Посполитая, Гродненский сейм, Митава, социальные связи.

Цитирование. Накишова М. Т. Курляндский вопрос во внешней политике Российской империи при Екатерине I: русско-польско-курляндские связи после Гродненского сейма 1726 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 4. – С. 57–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.6>

Введение. На протяжении XVI–XVIII вв. курляндский вопрос являлся одним из наиболее актуальных аспектов балтийской политики. По договору (*ratio subjectionis*) от 8 декабря 1561 г.¹, заключенному между польским королем Сигизмундом Августом и гроссмейстером ливонских рыцарей Готхардом Кетлером, рыцарство Курляндии и Семигалии признавало себя вассалом польского государства с правом широкой автономии.

Герцогство находилось под управлением местной династии Кетлеров, наследовавших престол по нисходящей линии. Им разрешалось содергать армию, чеканить собственную монету и вступать в дипломатические сношения. Ленная зависимость от польского престола выражалась в запрете самостоятельно объявлять войну [21]. Очевидно, что подобные отношения не могли полностью удовлетворить ни поляков, нацеленных на включение герцогства

в состав своей территории, ни курляндцев, желавших самостоятельно определять дальнейшую политическую судьбу государства и сохранить протестантскую веру. Более того, ситуация осложнялась тем, что геополитические преимущества герцогства делали его привлекательным для других держав, имевших торговые и/или политические интересы в прибалтийском регионе и стремившихся распространить там свое влияние.

В начале XVIII в. курляндская проблема значительно обострилась в связи с отсутствием прямых наследников династии Кетлеров. После смерти в 1711 г. герцога Фридриха Вильгельма остро встал вопрос об избрании нового претендента на престол и последующем сохранении или упразднении «древних» прав и автономий. В Курляндии оставалась вдовствующая герцогиня Анна Иоанновна, не имевшая наследников и не призывавшаяся как самостоятельный политический актор, а герцогом номинально числился последний представитель династии шестидесятилетний герцог Фердинанд, не пользовавшийся популярностью у курляндской элиты и проживавший в Гданьске (Данциге) под контролем Польши. В течение 1720-х гг. вокруг Курляндии развернулась ожесточенная борьба, по мере развития которой в качестве претендентов на престол выдвигалось несколько кандидатур: герцог Голштинский, принц Гессен-Кассельский, князья Гессен-Гомбургские, граф Мориц Саксонский, светлейший князь А.Д. Меншиков. Наиболее заинтересованные стороны – Речь Посполитая, Российская империя, Пруссия и Саксония – предпринимали немало усилий для привлечения на свою сторону курляндского рыцарства.

В итоге 28 июня 1726 г. местный ландтаг² под влиянием интриг курляндского и саксонского правительства избрал на герцогский престол незаконнорожденного сына польского короля, графа Морица Саксонского [53, с. 469–472]. Этот выбор ни Речь Посполитая³, вступившая в конфронтацию с личными интересами Августа II, ни Российская империя не поддержали. В России, оспаривая избрание Морица, продолжили продвигать на герцогский престол лояльных кандидатов (после самовольного вмешательства А.Д. Меншикова и конфликта с курляндским рыцарством кан-

дидатура светлейшего князя не рассматривалась как возможная [48]), устанавливать социальные связи внутри Курляндии и вступать в союзы с другими державами. Дальнейшие действия Речи Посполитой в отношении Курляндии должен был определить Гродненский сейм, оказавший ключевое влияние на судьбу герцогства и всей курляндской политики.

Учитывая изложенное выше, целью настоящего исследования является анализ политики, проводившейся российской стороной в период наибольшего политического напряжения в Курляндии: начиная с принятия польской конституции⁴ на сейме в Гродно (28 сентября – 9 ноября 1726 г.) и заканчивая началом Сенат-консилиума⁵ в Варшаве (23 марта 1727 г.). Как представляется, осмысление данных событий позволит не только разобраться в хитросплетениях русско-польско-курляндских отношений рубежа 1726–1727 гг., но и сформировать детальные представления о методах ведения внешней политики при Екатерине I, роли тех или иных деятелей в решении наиболее актуальных задач и их влиянии на государственное строительство.

Методы и материалы. Как и другие обстоятельства курляндского кризиса, русско-польско-курляндские связи рубежа 1726–1727 гг. рассмотрены в историографии фрагментарно [1; 2; 3; 18; 42; 43; 47; 48; 49; 51; 55; 56; 57; 59; 60; 61]. Более того, если деятельность российских, польских, саксонских и прусских дипломатов в России и Речи Посполитой так или иначе изучалась исследователями (работы У. Косиньской, К. Штрома, Л. Эррена) [50; 53; 54; 58], то события, имевшие место в столице Курляндии г. Митаве, до сих пор остаются без должного осмысливания и детальной реконструкции (за исключением исследования К. Кантецкого, рассмотревшего период деятельности польской комиссии в августе – декабре 1727 г.) [52]. Например, только лишь мимоходом упоминается тайная миссия генерал-полицеймейстера А.М. Девиера начала 1727 г., среди материалов которой сохранились уникальные сведения как о действиях российских дипломатов, их связях с польской и курляндской политическими элитами, так и о попытках курляндцев оспорить вердикты Гродненского сейма. Данный комплекс представляется уникальным, поскольку

по объему и степени информативности (относительно событий в Митаве) во много раз превосходит известные в историографии собрания реляций П.И. Ягужинского, П.М. Бестужева-Рюмина, журналов и приговоров Верховного тайного совета и т. д.

Материалы миссии генерал-полицеймейстера разделены между двумя архивохранилищами: реляции А.М. Девиера, его письма к кабинет-секретарю А.В. Макарову, различного рода мнения и дипломатические документы (кредитив, списки депутатов и членов комиссии, копии инструкций и пр.), а также оригиналы, копии и переводы документов, полученных от курляндских обер-раторов и депутатов, сохранились в фонде Кабинета е.и.в. (№ 9) Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА); оригиналы инструкций, некоторые личные послания, записные книги указам, поступавшим к генерал-полицеймейстеру от императрицы, и письмам, отправленным от него и к нему от П.М. и М.П. Бестужевых-Рюминых, А.И. Остермана, А.В. Макарова, П.И. Ягужинского, И.И. Исаева, Морица Саксонского, хозяйственные документы миссии отложились среди материалов фонда «Сношения России с Курляндией» (№ 63) Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Соответственно, ценность источниковых комплексов состоит не только в том, что они позволяют судить о миссии А.М. Девиера самой по себе и личном вкладе генерал-полицеймейстера в решение курляндского вопроса, но и характеризуют деятельность многих других государственных деятелей, раскрывают специфику их контактов и механизмов взаимодействия, обозначают векторы развития русско-польско-курляндских отношений.

Анализ. На Гродненском сейме, длившемся с 28 сентября по 9 ноября 1726 г., курляндский вопрос являлся ключевым для обсуждений [20]. Стоит отметить, что последние месяцы до заседаний в Гродно оказались крайне напряженными. Согласно У. Косиньской, польских магнатов и сенаторов, в частности вице-канцлера Я. Липского, К. Шембека, Ю. Мнишека, М.Ф. Чарторыйского, возмущала открытая поддержка Августом II Морица Саксонского, избранного курляндским герцогом вопреки политическим интересам Речи

Посполитой [53, с. 474, 475]. Не вызвали одобрения и действия саксонских дипломатов (Я.-Г. Флеминга, И. Ле Форта) в рамках так называемого проекта двух дам, предполагавшего организацию династического брака графа с Елизаветой Петровной или Анной Иоанновной [54; 58, S. 93–95]. 16 июня под значительным политическим давлением король отправил в Курляндию указ, запрещавший проведение ландтага и какие-либо контакты с иностранными державами, желавшими вмешаться в вопросы престолонаследия. Однако курляндцы, подстрекаемые Морицом Саксонским и гетманом Л.-К. Потеем, отклонили требования Августа II, и, как известно, ландтаг состоялся.

В результате на Гродненском сейме удалось сформировать практически единогласное мнение по курляндскому вопросу. Собравшиеся представители польско-литовской шляхты полагали, что, несмотря на определенную политическую самостоятельность, курляндцы не имели права решать династические вопросы без ведома и одобрения государства-покровителя [21, л. 221–224]. Коронный регент Я. Дунин, защищая позиции короля, отмечал, что «Его величество вельми старается о пользе народной и дал де он о том много опыта от десяти лет в том, что он приложил свои отеческие старательства для выводу иностранных войск из Курляндии, и ради содержания сей же Курляндии в древнем ее состоянии, нимало не мысля о отчуждении оной, как некоторые хотят о том внушить» [20, л. 68 об.]. Не способный противостоять сейму Август II 11 октября 1726 г. согласился издать акт, отменявший избрание Морица и требовавший от него сдачи избирательного диплома [49, р. 521–522; 58, S. 103–104; 60, S. 143–144; 61, S. 125–132]. Граф не внял указаниям отца, отказался вернуть подтверждающие бумаги, заявив о готовности защищать герцогство и свой титул. Параллельно Мориц Саксонский стремился заручиться поддержкой Российской империи, заявляя о лояльности российскому престолу, и добивался протекции А.Д. Меншикова, в том числе предлагая ему проекты по созданию в Речи Посполитой абсолютной монархии [10].

Во время Гродненского сейма позиция Российской империи, объявленная ее предста-

вителями в Польше, твердо основывалась на тезисе о невозможности нарушения «древних» прав и привилегий Курляндии по собственной воле собирать ландтаг, избирать герцога и сохранять широкую автономию [53, S. 487–488; 58, S. 105; 61, S. 124]. При этом кандидатура Морица Саксонского не поддерживалась, предполагалось продвигать своих кандидатов – герцога Голштинского или одного из братьев Гессен-Гомбургских. Согласно К. Кантецкому, требования царских дипломатов были проигнорированы. Так, С.-Э. Денгоф во время заседания польской комиссии в августе – декабре 1727 г. указывал, что хотя московские уполномоченные представили на сейме официальный универсал Екатерины I, они не потребовали публичной конференции, как это было принято у иностранных министров с министрами и депутатами Речи Посполитой. Более того, им был передан официальный ответ, содержащий четкую позицию сейма относительно Курляндии, на который реакции государыни не последовало (в данном случае молчание было расценено как одобрение) [52, s. 21].

В результате, как полагает У. Косиньска, принятая на сейме конституция (то есть специальное постановление, имевшее законодательную силу) оказалась значительно более строгой, чем предполагалось изначально. Собравшиеся на Гродненском сейме постановили: 1) отложить присоединение Курляндии и Семигалии к Польше и их разделение на воеводства до кончины Фердинанда; 2) аннулировать избрание Морица, объявить его «за инфама (то есть авантюриста, опозоренного человека. – М. Н.) и бандита» и принудить покинуть территорию Курляндии; 3) отправить в Митаву специальную комиссию с военным сопровождением, которой поручалось изучить проблему на месте и доложить о ней следующему сейму [53, s. 361–362, 476–493]. Спустя несколько месяцев, несмотря на сопротивления курляндской и российской стороны, были начаты приготовления к отправке в Митаву следственной комиссии под охраной из 5 тыс. солдат (указ Августа II от 2 марта 1727 г.). Согласно донесениям российских дипломатов, в ее состав должно было войти 22 представителя польской и литовской знати, в том числе К. Шембек, К. Огинский, С.-Э. Денгоф, С. Хоментовский, Я.К. Браницкий, Я. Дунин, М. Ос-

солинский, К. Сапега, светлейший князь М. Радзивилл и др. [29]. К. Шембек, С.-Э. Денгоф и С. Хоментовский были известны как сторонники полного присоединения Курляндии и Семигалии к Речи Посполитой и, соответственно, противники России [17].

Постановление Гродненского сейма произвело неизгладимое впечатление на курляндское рыцарство, которое небезосновательно опасалось результатов деятельности следственной комиссии и оценивало действия Речи Посполитой как ущемление «древних» прав и привилегий. Стоит отметить, что споры относительно политического статуса Курляндии сводились к субъективному толкованию юридических терминов: Речь Посполитая трактовала положения договора Кетлера об автономии как право, заканчивающееся вместе с концом династии; Курляндская сторона настаивала, что «свободная элекция» герцога должна сохраняться вне зависимости от судьбы правящего дома. Разрешить данное противоречие не представлялось возможным. Тем более, что среди курляндского шляхетства не было единого мнения о политической судьбе герцогства и, соответственно, оно не было способно выступить самостоятельной силой, надеясь исключительно на помочь соседних держав.

Основными участниками конфликта, оказавшими поддержку Курляндии в борьбе за автономию, являлись Россия и Пруссия. Как указывают исследователи, они имели общую цель – противодействовать присоединению герцогства к Речи Посполитой и закреплению на курляндском престоле династии Веттинов [53, s. 484–485]. Соответственно, оба государства стремились не допустить приезда в Митаву следственной комиссии и подорвать доверие курляндского рыцарства к Морицу Саксонскому⁶. Еще 21 августа 1726 г. между Россией (Г.И. Головкин, А.И. Остерман) и Пруссией (Г. фон Мардефельд) был подписан союзный договор⁷, при заключении которого помимо прочего было заявлено о взаимном желании сохранить *status quo* в Курляндии [14, с. 36]. Более того, русскому чрезвычайному министру в Польше П.И. Ягужинскому предписывалось поддерживать диалог с прусским посланником на Гродненском сейме вплоть до совместной деятельности по срыву заседаний [7].

Однако ожидаемое русскими сотрудничество с Пруссией в польско-курляндских делах не проходило гладко. В преддверии польского сейма прусский посланник Г. фон Мардефельд потребовал, чтобы Россия заняла сторону Пруссии в Торуньском (нем. Торнском) деле⁸. Несмотря на союзнические обязательства, он получил от царского правительства, не желавшего вступать в конфликт с Польшей, отказ. В Санкт-Петербурге уже знали, что поляки собираются выразить королю Фридриху Вильгельму I решительный протест в отношении пограничных конфликтов и назначить в Торунь (нем. Торн) специальную комиссию для расследования возмущений протестантов [53, с. 489]. Еще одной причиной столь решительной позиции Екатерины I относительно польско-пруссских споров было давление Австрии. В 1726 г. во время переговоров о заключении альянса⁹ имперские дипломаты убеждали русского резидента в Вене Л.К. Ланчинского, что под предлогом Торуньского дела прусский король, действуя совместно с англичанами, хочет, во-первых, отторгнуть от Польши какую-либо провинцию, во-вторых, «засуетить» Россию и Австрию настолько, чтобы они были не способны помочь герцогу Голштинскому в его претензиях на Шлезвиг [42, стб. 967].

Взаимное недоверие России и Пруссии усугубляло и то, что прусские дипломаты напрямую не вмешивались в ход русско-польско-курляндских разбирательств. В подобной позиции союзника российская сторона видела недружественную подоплеку. В начале 1727 г. генерал-полицеймейстер А.М. Девиер предсторегал Екатерину I о тайном желании прусского короля решить вопрос чужими руками: «Якобы де дает нам токмо вид такой, чтобыде мы верили добруму их намеренно, а потом бы же довесть нас в ыгру и наделать разные танцы» [32]. Тем не менее царскому правительству приходилось считаться с позицией Пруссии относительно курляндской автономии и оно стремилось к поиску компромиссов с союзником.

В Санкт-Петербурге отношение к курляндскому вопросу после Гродненского сейма кардинально изменилось. Прежде всего, императрица и ее окружение потеряли интерес к саксонскому «проекту двух дам» и уверились, что Речь Посполитая не поддержива-

ет личных амбиций Августа II [53, с. 493; 58, С. 107]. Отдельной задачей признавалась согласованная деятельность российских министров П.И. Ягужинского и М.П. Бестужева-Рюмина с курляндскими депутатами, посланными в Варшаву после сейма. Они должны были скоординировано добиваться «смягчения» позиции Речи Посполитой относительно курляндской автономии.

Принципиально важно, что на данном этапе Россия не стремилась присоединить Курляндию и Семигалию к своей территории или установить там военный контроль. Екатерина I и ее окружение опасались открытого и тем более вооруженного столкновения с Речью Посполитой, поэтому каждое свое действие координировали с интересами польской стороны, старались действовать тайно, дабы не вызвать подозрения [11; 25; 31; 34; 35; 44]. «И о вышепомянутом извольте Ея величество престерегать, – писал кабинет-секретарю А.В. Макарову посланник из Митавы, – чтоб асторожно в том деле было, дабы не допустить до коры (то есть ссоры. – М.Н.) и до войны, а ежели допустить до коры, то извольте ведать, в каком состоянии наше государство стоит» [24]. В связи с этим царское правительство перестало настаивать на назначении лояльного России кандидата после смерти Фердинанда, а сконцентрировало внимание на проведении в Курляндии пропагандистской кампании против решений польского сейма и расширило поддержку стремлений местного рыцарства к сохранению «древних» прав и привилегий [53, с. 490; 58, С. 108–111, 117; 60, С. 146–147].

В начале 1727 г. в Митаву был отправлен с тайной миссией генерал-полицеймейстер А.М. Девиер¹⁰, которому поручалось «всякими мерами старатца и курляндцев увещать, чтоб они при прежних своих правах крепко и ненарушимо стояли, и о прочем, что к пользе нашей принадлежит, с представлением сильных резонов» [27]. А.М. Девиер не являлся опытным дипломатом, однако долгое время служил в Прибалтике – во время правления Петра I генерал-полицеймейстер занимался строительством оборонительных сооружений и организацией флота в Ревеле, пользовался доверием императрицы, имел репутацию честного и неподкупного государственного дея-

теля (подробнее об этом см.: [12, с. 960–962]). Надо полагать, еще один проверенный и надежный посланник в Курляндию потребовался из-за известного недоверия окружения Екатерины I к П.М. Бестужеву-Рюмину. Авторитет обер-гофмейстера Анны Иоанновны был катастрофически подорван после вмешательства А.Д. Меншикова в курляндские дела, ведь, как известно, светлейший князь переложил всю тяжесть вины за конфликт с курляндцами на Петра Михайловича [5; 53, с. 478–482].

В первой тайной инструкции, полученной А.М. Девиером 10 января 1727 г., обозначались методы работы с пророссийской и пропольской «партиями»: дружественных курляндцев предписывалось всеми способами поддерживать и убеждать в доброжелательных намерениях российской императрицы; недружественных – пытаться склонить на свою сторону, в том числе предлагая им денежное вознаграждение [44]. Практически сразу же генералу-полицеймейстеру стала очевидна шаткость политических позиций местного рыцарства. Курляндцы, образовавшие пророссийскую группировку, в действительности не желали ни усиления России, ни усиления Речи Посполитой и, опираясь на протекцию Екатерины, стремились только лишь сохранить свои «древние» права и привилегии. Поэтому они боялись предпринимать какие-либо решительные действия, подозревая, что политическая зависимость от России может обернуться для них еще большим злом. Лидеры курляндцев, занимавших пропольскую позицию, – обер-бургграф А.К. Костюшко, ландмаршал Э.Ф. фон дер Бриген, гауптман Офемберг – по разным причинам отсутствовали в Митаве, а первый из них вовсе пытался заручиться поддержкой в Польше и ускорить прибытие следственной комиссии [33, с. 976]. Генерал-полицеймейстер так и не смог вступить с ними в переговоры, поскольку не имел в Курляндии доверенных лиц и развитых социальных связей [32; 34; 35; 36; 39].

Установление связей с Морицем Саксонским, надо полагать, изначально являлось для А.М. Девиера второй задачей. В инструкции ему указывалось тайно встретиться с графом и узнать, где и в каких условиях он живет, с кем общается, каковы его политические намерения [44]. Во время встречи Мориц

наигранно выражал готовность сотрудничать с российской стороной, уверяя, что «он желает зело быть под высокою Вашего величества протекциою и во всем полагается в волю Вашего императорского величества, понеже, когда случилось в разговорех упоминать о имени Вашего величества, то тогда у него из глас слезы выступали» [37, л. 318]. Однако, несмотря на актерские способности графа, страх отпугнуть дружественных курляндцев и дать полякам повод к подозрениям в сотрудничестве с «инфамом и бандитом» оказался сильнее – уже 28 января 1727 г. генерал-полицеймейстеру был передан указ, запрещавший видеться с непризнанным курляндским герцогом даже тайно [23; 26].

Тем не менее по мере ознакомления с реальной ситуацией в Курляндии А.М. Девиеру, а вслед за ним и окружению императрицы пришлось изменить отношение к политическому влиянию Морица и, как следствие, занять более враждебную позицию по отношению к нему [18, с. 264–265; 53, с. 493]. Как оказалось, «здесь шляхты едва не все ево любят, и, как я вижу, что здесь все ради ево носят такое платье, как он, Морис, и тем знать дают, что любят ево, також ездит часто к ним по деревням. А иногда между собой шляхты в компаниях говорят, надобно де нам за него умереть, ежели что зделается противно прав их (или пахтов)» [37]. Во второй инструкции от 15 февраля 1727 г. главной целью деятельности генерал-полицеймейстера в Митаве определялось противодействие попыткам графа занять курляндский престол при видимости лояльных отношений с ним. А.М. Девиер должен был убедить курляндских депутатов и обер-раторов не упоминать о его кандидатуре ни на грядущем ландтаге в Митаве, ни в тексте инструкции, отправляемой с депутатом в Польшу [4].

Очередной курляндский ландтаг проходил в Митаве с 22 февраля по 4 марта 1727 года. На него с обновленными инструкциями прибыли депутаты из 19 кирхшильей, в том числе один «главнейший» Бауский, «у которого в инструкций противное к интересу Вашего величества написано» [33, с. 976; 34, л. 244]. В курляндскую столицу также вернулся камер-юнкер Ф. фон Рутенберг, представлявший интересы герцогства на Гродненском

сейме. Он привез для публичного объявления текст польской конституции. Согласно сведениям А.М. Девиера, 24 февраля Ф. фон Рутенберг предлагал депутатам рассмотреть реляцию, составленную на основе гродненского постановления, однако они, его не выслушав, разъехались, «ибо та конституция им противна» [31, с. 974].

В общих чертах работа ландтага сводилась к обсуждению трех взаимосвязанных проблем. Во-первых, поднимался вопрос о сохранении или упразднении автономных прав герцогства и легитимности избрания нового правителя. Поскольку депутаты из семи кирхшилей, противных российским намерениям, и два пропольских обер-рата, А. Костюшко и Э.Ф. фон дер Бриген, на ландтаг не прибыли, то во время дискуссий доминировала позиция, призывающая к упорной борьбе за сохранение в Курляндии «древних» прав и привилегий [31; 33]. Хотя данная установка должна была полностью удовлетворить российских дипломатов, по мнению А.М. Девиера, многие курляндцы уклонялись от конкретных обещаний. Они сомневались в искренности поддержки российской стороны, боялись приближавшейся польской следственной комиссии настолько, что готовы были подчиниться всем требованиям короны [31, с. 972–973].

Во-вторых, собравшимся на ландтаг необходимо было подтвердить или опровергнуть избрание Морица Саксонского на герцогский престол. А.М. Девиер и П.М. Бестужев-Рюмин приложили немало усилий, чтобы убедить курляндцев отказаться от кандидатуры Морица. Как представляется, этому должна была способствовать и решительная позиция Речи Посполитой, не признававшей законность ландтага 1726 г. и избрания незаконнорожденного сына польского короля. Однако депутаты были непреклонны и подтвердили свой выбор вновь: «Они (обер-рата. – *M. H.*) то за невозможность признают, ибо сами они в указах посланных к киршилем, о которых напред сего многократно я доносил, включили ту речь, чтоб они депутатов прислали с полными инструкциями, что к пользе и умножению Отечества и содержанию прав и свобод полезной в духовном и мирском состоянии принадлежит, по силе которых указов от кирхшилей тем депутатом в инструкциях и включено,

чтоб о известной персоне при сеймике было подтверждено» [31, с. 972]. Дружественные России обер-раты боялись оказывать давление на депутатов, так как их личная политическая судьба зависела от одобрения местных избирателей. Единственное, чего удалось добиться генерал-полицеймейстеру, – это получить от них обещание не вносить положение, касающееся избрания Морица, в инструкцию депутата, отправляемого в Польшу, а дать ему об этом тайный пункт [31, с. 973].

В-третьих, курляндский ландтаг постановил отправить в Варшаву на Сенат-консилиум, начало которого было назначено на 23 марта 1727 г., капитана Э.К. фон Медема, депутата газенпотского и гробинского, и с ним «одну персону, которая была в Польше при князь Василье Долгоруком, которая как в здешних правах, так и в прочих довольна знающая» [31, с. 974]. Согласно инструкции, выданной Э.К. фон Медему 1 марта, ему указывалось: 1) уверить Августа II и Речь Посполитую в верности и преданности курляндского рыцарства; 2) объявить, что конституция, принятая в Гродно, входит в противоречие с «древними» правами и договорами, поскольку была создана без участия курляндской стороны; 3) выразить недовольство недопуском депутатов, посланных в Польшу с сообщениями о «земских нуждах»; 4) указать на право курляндцев избирать герцога после прекращения династии Кетлеров; 5) в конце концов, убедить отменить назначенную следственную комиссию [8; 9]. И «ежели король и Речь Посполитая по их прошению и по представительству министров Вашего величества, – писал в реляции А.М. Девиер, – Курляндию оставит при прежних правах, то тогда чтоб тот депутат о том избранном герцоге (о конкретной кандидатуре герцога. – *M. H.*) мог уже предложить» [31, с. 974].

Вскоре после окончания ландтага 4 марта 1727 г. Э.К. фон Медем в одиночестве (второй посланник заболел и не смог поехать) отправился в Варшаву, куда приехал в начале марта [38]. Ему полагалось, по позволению депутатов и обер-ратов, встретиться с российскими министрами П.И. Ягужинским и М.П. Бестужевым-Рюминым и иметь с ними конфиденциальный разговор [15; 16]. А.М. Девиер просил М.П. Бестужева-Рюмина, которо-

му доверял в отличие от П.И. Ягужинского [15; 16; 24; 28; 30]¹¹, «когда сей письмовручитель до вас прибудет, то соизволите с ним во всем, что к лутчему в сем деле принадлежит, конференции иметь без опасения, ибо он человек доброй и к здешней земле верной» [15, л. 161]. Официальный указ о всестороннем «вспоможении» Э.К. Медему был также отправлен в Польшу канцлером Г.И. Головкиным и вице-канцлером А.И. Остерманом [41].

Э.К. фон Медем был встречен поляками как бунтовщик. С.М. Соловьев указывал, что во время совета, собранного у примаса Ф.П. Потоцкого, маршалка Гродненского сейма, курляндский депутат был взят под стражу. При этом ни М.П. Бестужев-Рюмин, ни П.И. Ягужинский не смогли ему помочь, опасаясь вступать в открытую конфронтацию с Речью Посполитой [42, стб. 989–990]. 8 января в реляции Екатерине I П.М. Бестужев-Рюмин сообщал, что Э.К. фон Медем, находящийся под арестом у коронного гетмана С. Ржевуского, передал письмо курляндским обер-ратаам, чтобы те обратились к польскому королю с просьбой о его освобождении [40]. Он также прилагал копию и перевод текста коллективного прошения, отправленного Августу II 4 мая. Ланд-гофмейстер Г.Х. фон ден Бринкен и канцлер И.Г. Кайзерлинг от лица курляндских обер-ратаов и депутатов писали: «А понеже мы ныне противную волю Вашего королевского величества повторительными разы выразумели и читали, что благородный наш посланник, капитан фон Медем в Варшаве арестован, то мы от той акции [действа] доброхотно отступим. И понеже все делолося на публичном сеймике, мы обращаемся принуждены быть по предписании правительного формуля опять выписать другой сеймик, при котором сеймике присудствие нашего благородного посланика требуется, и чтоб Ваше королевское величество его аресту всемилостивейше освободить и сюда возвратиться позволили» [19].

Как удалось выяснить К. Кантецкому, Э.К. фон Медем находился под арестом вплоть до приезда польской комиссии в последних числах лета 1727 г. (сначала в Варшаве, а затем был перевезен в Митаву). 30 августа во время второго заседания комиссаров в митавской Ратуше представитель курляндс-

кого рыцарства, заместитель земского судьи А. Кориф ходатайствовал о назначении нового ландтага и разрешении проведения выборных собраний в кирхшилях. Он требовал освободить арестанта, возвратить ему дела комиссии 1717 г., разбирающей политический статус Курляндии и определившей границы власти герцога Фердинанда, и всех документов, найденных при нем в момент взятия под стражу. А. Кориф, кроме того, передал прошение жены капитана, которая не смогла лично выступить перед собравшимися из-за проблем со здоровьем, относительно дальнейшей судьбы ее мужа. Тем не менее комиссары постановили Э.К. фон Медема, посланника литовского гетмана Л.К. Поця А. Карпа, подстрекавшего курляндцев к созыву ландтага и избранию Морица, и других шляхтичей, выступавших против законных прав Речи Посполитой, оставить под стражей до середины сентября. В реальности заключение продлилось намного дольше. Надо полагать, Э.К. фон Медем был выпущен на свободу лишь к декабря 1727 г., когда польская комиссия закончила свою работу [52, с. 32].

Таким образом, миссия Э.К. фон Медема, равно как и миссия А.М. Девиера, закончилась ничем. Генерал-полицеймейстер сразу же после завершения курляндского ландтага отправился в Санкт-Петербург, где спустя недолгое время сам оказался под следствием в рамках нашумевшего дела Девиера – Толстого¹². Посланник Э.К. фон Медем, заключенный под стражу, не смог выполнить своей инструкции и убедить короля и Речь Посполитую отменить запланированную комиссию [48, с. 61; 52]. Дальнейший ход курляндского дела определили перемены в политической жизни Российской империи. 17 мая 1727 г. скончалась Екатерина I и управление страной на время перешло к светлейшему князю А.Д. Меншикову, чье желание установить контроль над территорией герцогства оставалось неизменным. В августе из Риги были введены военные формирования под командованием генерала П. Ласси, которому поручалось изгнать из Курляндии Морица Саксонского и помешать работе следственной комиссии. С первой задачей генерал справился с блеском – в ночь с 29 на 30 августа Мориц, бросив своих сторонников и пожитки,

бежал в Гданьск. Препятствовать работе польских комиссаров без открытого противостояния с Речью Посполитой оказалось невозможно тем более, что инициатор военного вторжения, А.Д. Меншиков, вскоре был свергнут с политического Олимпа (об участии П. Ласси и И.И. Бибикова в заседаниях комиссии см.: [52]). Польские комиссары под охраной нескольких сотен драгун генерала В. Мейера благополучно расположились в Митаве и в итоге своей работы (до 12 декабря 1727 г.) отказались от полного включения герцогства в состав Речи Посполитой [52, с. 34–37; 53, с. 498; 58, С. 113–115]. До смерти Фердинанда Кетлера в Курляндии был сохранен *status quo*.

Выводы. Заключая, стоит отметить, что решение курляндского вопроса в 20-х гг. XVIII в. требовало слаженных действий как от различных политических группировок внутри герцогства Курляндия и Семигалия, так и от правительства заинтересованных держав (Российской империи, Речи Посполитой, Пруссии, Саксонии и др.). Принятие на Гродненском сейме конституции (постановления), отвергнувшей избрание на герцогский престол Морица Саксонского и провозгласившей назначение в Митаву следственной комиссии с военным сопровождением, обострило политическую ситуацию, заставив, прежде всего, русскую и прусскую стороны изменить характер вмешательства в курляндские дела. В данном контексте России приходилось постоянно лавировать между собственными политическими амбициями – желанием поставить на курляндский престол лояльного герцога – и интересами Речи Посполитой, перспектива военного столкновения с которой рассматривалась советниками Екатерины I как катастрофа. Ситуация осложнялась еще и тем, что политические элиты Курляндии и Семигалии не были едины в своих внешнеполитических ориентирах. По большому счету они стремились выбрать меньшее из двух зол (в лице России или Речи Посполитой), не желали усиления ни одной из держав, использовали их противоречия в борьбе за сохранение древних прав и привилегий, полученных династией Кетлеров. Как показал анализ деятель-

ности российских посланников в Курляндии и Польше, им практически ничего не удалось добиться ни от Речи Посполитой, ни от Августа II, ни от курляндских обер-раторов и депутатов. Также и польская следственная комиссия, отправленная в Митаву летом 1727 г., не нашла ничего лучше, чем сохранить в герцогстве *status quo*. Фактически подтверждение прежнего статуса Курляндии и Семигалии, по крайней мере до смерти Фердинанда Кетлера, выглядело единственным верным решением в условиях сложившейся политической конъюнктуры, когда участники конфликта не могли договориться.

Публикация источника. В приложении публикуется перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема, посланника курляндского ландтага на Сенат-консилиум в Варшаву. Данный документ представляет особый интерес для исследователей русско-польско-курляндских взаимоотношений начала XVIII в., поскольку наглядно отразил требования курляндского рыцарства накануне приезда следственной комиссии, их представления об автономных правах герцогства и механизмы поведения в политической борьбе с Речью Посполитой.

Копия инструкции Э.К. фон Медема была получена А.М. Девиером от «дружественных курляндцев» тайно [33, с. 976]. Ее текст записан готическим курсивом со вставками на латинском языке. Синтаксический и смысловой каркас соответствуют правилам немецкого языка, а политические и юридические термины вставлены на латыни [8]. Перевод документа выполнен в 1727 г. переводчиком Коллегии иностранных дел Ф. Шевиусом, входившим в состав тайной миссии А.М. Девиера [22]. Вторая копия с приложенным тайным пунктом сохранилась среди материалов корреспонденции П.М. Бестужева-Рюмина в Коллегию иностранных дел, где была переведена переводчиком К. Армашенко [9].

Русский текст инструкции капитана Э.К. фон Медема публикуется и вводится в научный оборот впервые. Издание осуществлено по «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1727 г., 1 марта. Перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема

(Л. 43) Понеже благородный господин Фердинанд фон Рутенберг, высококняжеской камер-юнкер, помещик валгальской, от благородного рыцерства и земских чинов 1726 году, 5-го¹³ июля к его королевскому в[личеству] польскому отправлен был с такою инструкциею, дабы он в важнейших, до Отечества нашего касающихся, делах домогался, а особливо о сукцессии в запас постановляемой, и он о той негоциации своей нам обстоятельная ведомости подавал, того ради благородное рыцерство и земские чины к нынешнему, в 18 де[нь] февраля 1727-го¹⁴ году назначенному, чрезвычайному сеймику упросили благородного Эбергарда фон Медема, королевского капитана, помещика писленекенского и дурбенского, по имевшей к нему конфиденции земским депутатом своим в Польшу и ему следующую инструкцию дали.

(Л. 43 об.) 1. Его королевское в[личество] польское, всемилостивейшаго короля и вышшаго государя нашего уверить подданейшео нашео девоицею^a, також и Светлейшую Речь Посполитую нашео от нас требуемо верности и преданности. А потом представить, коим образом благородное рыцерство и земские чины от комиссии, в последней сеймской конституции определенной, не без основания опасаться имеют злых следованей, ибо вид имеется, что оная комиссия назначена и определена ко опровержению^b того, что, не слушая курлянское доношение и не допустя депутатов с надлежащим их представлением, якобы незаконно заключено.

2. Объявить, что всему договоров содержанию и обоих сторон договарывающимся противно есть, чтоб оныя чрез учиненное токмо с одной страны решение опровергены, и мы тому подвержены быть могли // (Л. 44) для того, что таковыя публичныя^b и древния^b договоры с общаго обоих сторон согласия опровергнуть надлежало^b.

3. Коим образом вольному Курландского и Семигальского княжества шляхетству, яко во время поддания, ^cправами и привилегиями своими^c к славной вольной же нации привступившим и с оною посредственным образом соединенным, несносно и весьма болезненно есть слышать, что наши депутаты, которые уже чрез несколько лет в общих земских нуждах от нас посланы, были не допущены, ниже их предложения приняты, но признаны, якобы они от партикуларного собрания посланы были. А известно, что по содержанию договоров и формы правительства верное рыцерство и земские чины вечную власть имеют публичныя съезды держать.

4. Что верному рыцерству и земским чинам // (Л. 44 об.) чювствительно есть, что Королевства и Великаго княжества Литовскаго инстигаторы^d их своей неправедной цитации преслушниками нарицают и общее до публичного стата касающеся дело к собственным королевства и королевского вел[ичества] судам причитают. А оным собственным судам токмо одних приватных осоb дела подлежат, понеже пакты или договоры да привилегии наши [ежели с оказательством благовеннейшей верности и покорности нам говорить позволено] ни от его королевского величества, нашего всемилостивейшаго ^eкороля^e и государя, ниже от Светлейшей Речи Посполитой сводной страны толкованы и исследованы быть могут. И что сверх того учиненная верности присяга содержанию пактов предосудительна^f быть не имеет для того, что в помянутой присяге никако не содержано, чтоб в случае // (Л. 45) небытности герцога мы от своих прав и привилегий отрицалися.

И против вышеписанных обстоятельств нашему господину депутату с неотменным уверением о нашей подданейшей верности и должном благоговении именем благородного рыцерства и земских чинов представить о ужасности комиссии чрез последнюю конституцию, токмо с одной страны определенной, и по всякой возможности своей его королевское вел[ичество] и Светлейшую Речь Посполитую о отвращении оной комиссии упросить. Притом подданейше молить, дабы верное рыцерство и земские чины при своих пактах и привилегиях под посредственным соединением в протекции королевства Польского и Великаго княжества Литовскаго так, как предки наши, и впредь содержаны были.

И ежели наш господин депутат запотребно изобрещет за его королевским величеством в Саксонию поехать, // (Л. 45 об.), то вам, нашему земскому господину уполномоченному, к господам обер-ратом заранее о том известие подать и поступать по благоизобретению их.

Ежели же, несмотря на отправленное к его королевскому величеству рыцерства и земских чинов подданейшее прошение, здешния земских дела пред тамошними реляционскими судами слушать будут, то вам, нашему господину депутату, (понеже особливой к тому инструкции ныне не имеете) всякия полезныя ко

отсрочиванию способы употреблять, також против данных в том деле господину фон Белову и господину обер-гауптману Бракелю¹⁵ инструкций ³согласно³ поступать.

Протчее, что до благополучия и общаго блага Отечества и до посредственного княжеского правительства косатися может // (Л. 46) и потребно будет, в том полагаемся на праводущие ваше, однако ж без предосуждения содержанию сея инструкции.

Переводил Франц Шевиус.

АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 43–46.

Подлинник.

*Копия перевода инструкции сохранилась в фонде Кабинета е.и.в., см.:
РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 256–257.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее все даты приведены по григорианскому календарю.

² Ландтаг в герцогстве Курляндия и Семигалия представлял собой регулярное собрание выборных «депутатов» от местного дворянства, которое по преимуществу рассматривало вопросы налоговой политики, землевладения и дворянских привилегий. Заседания собраний происходили или ordinario (раз в 2 года), или чрезвычайно (при необходимости), в обоих случаях по указу курляндского герцога. Поскольку Фердинанд Кетлер управлял герцогством номинально, то решение о созыве ландтага принималось обер-ратами, высшими должностными лицами (ланд-гофмейстером, канцлером, бургграфом, ландмаршалом и обер-гауптманами), также участвующими в заседаниях. На ландтаг в Митаве съезжались депутаты из 26 кирхшилей, то есть церковных приходов, административно-территориальных единиц герцогства. Главнейшим считался депутат от Бауского кирхшиля. Депутаты, как правило, имели на руках инструкции, составленные совместно избирателями в кирхшиле, и должны были следовать им беспрекословно.

В русских источниках курляндский ландтаг называется на польский манер «сеймиком».

³ В данном случае под «Речью Посполитой» подразумевается Республика как политическая сила, независимая от польского короля.

⁴ Сеймовая конституция (постановление, утверждение) – законодательный акт польского сейма, содержавший в себе решение, касающееся всей территории Речи Посполитой или отдельных частей.

⁵ Сенат-консилиум – заседание Сената, верхней палаты Сейма Речи Посполитой.

⁶ Как указывали российские дипломаты, прусского короля особенно раздражало пребывание Морица Саксонского в Курляндии, несмотря на запреты поляков [11, л. 273–274].

⁷ Союзный договор между Пруссией и Россией заключался на 18 лет. Основные положения трактата подразумевали декларацию взаимных обязательств ненападения, вечной дружбы, информирования относительно контактов с чужеземными дворами, свободной торговли, военной помощи (по 3 тыс. чел. пехоты и 2 тыс. чел. кавалерии) и др. Российская сторона обещала не использовать Стокгольмский договор 1724 г. со Швецией против интересов Пруссии [45].

⁸ Город Торунь (нем. Торн) входил в состав так называемой Королевской Пруссии, автономной части Речи Посполитой, включавшей в себя Померанию, Кульмерландию и Помезанию. В 1724 г. во время Пасхи в Торуне разгорелось противостояние между протестантами-немцами и католиками-

поляками. Инцидент привел к жестокой расправе: были разграблены протестантские церкви и школы, казнены 10 лютеран, в том числе и бургомистр. Протестантские государства (Англия, Ганновер и Пруссия) посчитали своей обязанностью вступиться за единоверцев. Прусский король, кроме того, имел территориальные претензии к Речи Посполитой, желая присоединить Торунь и/или другие земли Королевской Пруссии к своему государству. Торуньское дело затихло концу 1725 г., поскольку Фридрих Вильгельм испугался возможности религиозной войны и не был готов к вооруженному конфликту с поляками [14, с. 16; 42, стб. 967–972].

⁹ Союзный договор с Австрией был заключен 6 августа 1726 года. В нем провозглашалась вечная дружба двух стран, военная помощь (20 тыс. чел. пехоты и 10 тыс. чел. драгун с каждой стороны), их совместные усилия по поддержанию мира в Европе, в том числе посредством взаимных консультаций послов и др. Россия присоединялась к австро-испанскому союзу 1725 г., а Австрия – к русско-шведскому 1724 года. Секретный артикул предусматривал совместную войну против Турции в случае ее нападения на каспийские владения России [14, с. 21–33; 46].

¹⁰ Подробнее о биографии А.М. Девиера см.: [13, с. 151–255; 47].

¹¹ 10 февраля 1727 г. на заседании Верховного тайного совета было постановлено послать к П.И. Ягужинскому указ о возвращении из Польши. В Польше был оставлен только М.П. Бестужев-Рюмин [6, с. 70].

¹² Дело Девиера – Толстого представляет собой один из этапов борьбы политических группировок в конце царствования Екатерины I. А.М. Девиер, П.А. Толстой, И.И. Бутурлин, Г.Г. Скорняков-Писарев и др. предприняли неудачную попытку противостоять стремлению А.Д. Меншикова выдать замуж за будущего наследника престола Петра Алексеевича свою dochь Марию. В результате А.М. Девиер был осужден и сослан в Жиганское зимовье в Якутии, где прожил вплоть до 1744 г. Подробнее см.: [13, с. 250–254].

¹³ По григорианскому календарю – 16 июля.

¹⁴ По григорианскому календарю – 1 марта.

^а Уточнено благовением.

^б Уточнено в подлинном тексте написано для эксекуции.

^{в-в} Дописано сверху.

^{г-г} Дописано сверху.

^д Уточнено фискалы.

^{е-е} Добавлено сверху.

^ж Пояснено вредительна.

¹⁵ Оба – высшие сановники Курляндского герцогства, обер-раты.

^{з-з} Написано сверху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 305 с.
2. Арсеньев К. И. Царствование Екатерины I. СПб.: Тип. Императ. Рос. Акад., 1856. 94 с.
3. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть третья. (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 329 с.
4. Вторая тайная инструкция А.М. Девиера о Курляндии, 4 (15) февраля 1727 г. // Накишова М. Т. Светлейший князь А.Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I. СПб.: Алетейя, 2023. С. 277–279.
5. Дело о поступках находившегося в Курляндии тайного советника П.М. Бестужева-Рюмина по делам, касающимся до избрания нового герцога, 1726 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1726 г. Д. 14.
6. Журнал Верховного тайного совета, 30 января (10 февраля) 1727 г. // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 63. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1888. С. 69–70.
7. Инструкция П.И. Ягужинскому, данная при отпуске его на Гродненский сейм, 2 сентября 1727 г. // РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 587. Л. 1–12.
8. Копия и перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема, 1 марта 1727 г. (из материалов миссии А.М. Девиера) // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 43–46.
9. Копия и перевод инструкции капитана Э.К. фон Медема, 1 марта 1727 г. (из материалов миссии П.М. Бестужева-Рюмина) // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 3. Л. 67–74 об.
10. Мемория (черновик) А.Д. Меншикова А.В. Макарову о Курляндии и Морице Саксонском, 1726 г. // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 226. Л. 86–87.
11. Мнение об избрании Морица Саксонского и курляндском вопросе, февраль 1727 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 269–276 об.
12. Накишова М. «Курляндский вопрос» в реалиях генерал-полицеймейстера А.М. Девиера // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 955–979. DOI: 10.15826/qr.2024.3.918
13. Накишова М. Т. Светлейший князь А.Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I. СПб.: Алетейя, 2023. 470 с.
14. Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига : Объед. ред. МВД России, 2010. 408 с.
15. Отпуск письма А.М. Девиера М.П. Бестужеву-Рюмину, 14 марта 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 160 об.–161 об.
16. Отпуск письма А.М. Девиера М.П. Бестужеву-Рюмину, 27 февраля 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 154–154 об.
17. Отпуск письма А.М. Девиера П.И. Ягужинскому, 8 февраля 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. 1727 г. Оп. 1. Д. 1. Л. 132 об.–133.
18. Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М.: Молодая гвардия, 2016. 399 с.
19. Перевод прошения курляндского рыцарства Августу II, 4 мая 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 53–53 об.
20. Перевод копии журнала заседаний Гродненского сейма, 1726 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1726 г. Д. 26. Л. 63–73.
21. Перевод универсала курляндского рыцарства, январь 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 217–228.
22. Письмо А.В. Макарова А.М. Девиеру, 15 января 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 6–7.
23. Письмо А.В. Макарова А.М. Девиеру, 28 января 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 12a–12b.
24. Письмо А.М. Девиера А.В. Макарову, 18 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 315–317.
25. Письмо А.М. Девиера А.В. Макарову, 22 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 322–323.
26. Письмо А.М. Девиера А.В. Макарову, 4 февраля 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 238–238 об.
27. Письмо Екатерины I П.И. Ягужинскому, 10 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 589. Л. 2–2 об.
28. Письмо М.П. Бестужева-Рюмина А.М. Девиеру, 15 февраля 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1. Л. 31–31 об.
29. Реестр комиссаров, назначенных в Курляндию, 22 февраля 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 246–246 об.
30. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 1 февраля 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 232–233 об.
31. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 14 (25) февраля 1727 г. // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 972–975.
32. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 14 (25) января 1727 г. // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 967–969.
33. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 18 февраля (1 марта) 1727 г. // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 975–977.
34. Реляция А.М. Девиера из Курляндии, 22 февраля 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 242–245 об.

35. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 24 января (4 февраля) 1727 г. // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 969–971.
36. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 28 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 230–230 об.
37. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 30 января 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 318–319 об.
38. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 4 марта 1727 г. // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 258–259.
39. Реляция А. М. Девиера из Курляндии, 7 (18) января 1727 г. // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 964–967.
40. Реляция П. М. Бестужева-Рюмина из Курляндии, 26 апреля 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 3. Л. 81–81 об.
41. Секретный реескрипт (черновик) Г. И. Головкина и А. И. Остермана П. М. Бестужеву-Рюмину, 23 марта 1727 г. // АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 2. Л. 3–3 об.
42. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1851–1879. Кн. 4, т. 16–20. 840 с.
43. Стродс Х. Курляндский вопрос в XVIII в. В 2 ч. Ч. 1. Рига: Латв. ун-т, 1993. 204 с.
44. Тайная инструкция А.М. Девиера о Курляндии, 30 декабря 1726 г. (10 января 1727 г.) // Накишиова М. Т. Светлейший князь А.Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I. СПб.: Алетейя, 2023. С. 274–276.
45. Трактат оборонительного союза, заключенный в Санкт-Петербурге между прусским и российским дворами через обоюдных министров, 21 августа 1726 г. // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 7. № 4947.
46. Трактат, заключенный в Вене между российским и цесарским дворами, 6 августа 1726 г. // Мартенс Ф.-Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1874. С. 32–44.
47. Шубинский С. Н. Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48, № 5. С. 427–448.
48. Щебальский П. К. Князь Меншиков и граф Мориц саксонский в Курляндии 1726–1727 гг. М.: Тип. Катков и К°, 1860. 66 с.
49. Despréaux E. Le cabinet de Versailles et le conflit entre la Russie et la Pologne en Courlande au début du XVIII siècle // *Revue d'histoire diplomatique*. 1932. Vol. 46, № 3. P. 368–387; № 4. P. 518–534.
50. Erren L. Der Russische Hof nach Petr dem Großen 1725–1730. Eine Kulturgeschichte des Politischen. Herne: Gabriele Schäfer Verlag, 2022. 679 S.
51. Kallmeyer Th. Graf Moritz von Sachsen in Kurland. Eine historische Skizze// Separatabdruck aus dem “Rigaschen Almanach für 1859”. Riga: Haecker, 1858. S. 1–42.
52. Kantecki K. Komisja kurlandzka w 1727 roku // *Przewodnik Naukowy i Literacki*. 1882. № 10. S. 12–39.
53. Kosińska U. August II w poszukiwaniu sojusznika Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730). Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2012. 564 s.
54. Kosińska U. Stosunki sasko-polsko-rosyjskie a sprawą Maurycego Saska i sukcesji kurlandzkiej w świetle relacji saskiego posła w Petersburgu Jeana Le Forta (1725–1728) // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: права, вайна, дыпламатыя / пад рэд. С. Ф. Сокала, А. М. Янушкевіча. Мінск: БІП – Інстытут правазнаўства, 2012. S. 349–366.
55. Kraushar A. Tragikomedya kurlandzka z czasów saskich (1727 r.). Kraków: Redakcja “Świata”, 1893. 33 s.
56. Kurland. Vom polnisch-litauischen Lehnsherzogtum zur russischen Provinz. Dokumente zur Verfassungsgeschichte 1561–1795 / hrsg. von E. Oberländer, V. Kellerz. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. 330 S.
57. Seraphim A. Die Geschichte des Herzogthums Kurland (1561–1795). Reval: F. Kluge, 1904. 371 S.
58. Strohm K. Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem. Berlin: Verlag dissertation Publ., 1999. 404 S.
59. Taillandier S.-R. Maurice de Saxe daprès des papiers inédite // *Revue des deux mondes*. 1864. № 51. P. 639–677.
60. Treffer G. Moritz von Sachsen – Marschall von Frankreich. Regensburg: Pustet, 2005. 312 S.
61. Weber K. Moritz von Sachsen, Marschall von Frankreich; nach archivalischen Quellen. Leipzig: B. Tauchnitz, 1863. 293 S.

REFERENCES

1. Arbuzov L.A. *Ocherk istorii Liflandii, Estlandii i Kurlandii* [Outline of the History of Livonia, Estonia and Courland], Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasjulevicha, 1912. 305 p.
2. Arsenyev K.I. *Carstvovanie Ekateriny I* [Reign of Catherine I]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Ros. Akad., 1856. 94 p.
3. Bantysh-Kamenskij N.N. *Obzor vnesnih snoshenij Rossii (po 1800 god)*. Chast tretja. (Kurlandija, Liflandija, Estlandija, Finländija, Polsha i Portugalija) [Review of Foreign Relations of Russia (to 1800). Part Three. (Courland, Livonia, Estonia, Finland, Poland and Portugal)]. Moscow, Tip. E. Lissnera i Ju. Romana, 1897. 329 p.

4. Vtoraja tajnaja instrukcija A.M. Devieru o Kurljandii, 4 (15) fevralja 1727 g. [The Second Secret Instruction to A.M. Devieir About Courland, February 4 (15), 1727]. Nakishova M.T. *Svetlejshij knjaz A.D. Menshikov v krugu spodvizhnikov Petra I* [Prince A.D. Menshikov in the Circle of associates of Peter I]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2023, pp. 277-279.
5. Delo o postupkah nahodivshegosja v Kurljandii tajnogo sovetnika P.M. Bestuzheva-Rjumina po delam, kasajushhimsja do izbranija novogo gercoga, 1726 g. [The Case of the Actions of the Privy Councilor P.M. Bestuzhev-Ryumin, Who Was in Courland, in Matters Concerning the Election of the New Duke, 1726]. *Arkhiv vneshej politiki Rossijskoy imperii (daleye – AVPRI)* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1726, d. 14.
6. Zhurnal Verhovnogo tajnogo soveta, 30 janvarja (10 fevralja) 1727 g. [Journal of the Supreme Privy Council, January 30 (February 10), 1727]. *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 63* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 63]. Saint Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova, 1888, pp. 69-70.
7. Instrukcija P.I. Jaguzhinskomu, dannaja pri otpuske ego na Grodnenskij sejm, 2 sentjabrja 1727 g. [Instructions to P.I. Yaguzhinsky, Given on His Vacation to the Grodno Sejm, September 2, 1727]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (daleye – AVPRI)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 142, inv. 1, d. 587, l. 1-12.
8. Kopija i perevod instrukcii kapitana E.K. fon Medema, 1 marta 1727 g. (iz materialov missii A.M. Deviera) [Copy and Translation of the Instruction of Captain E. von Medem, March 1, 1727 (From the Materials of the Mission of A.M. Devieir)]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 43-46.
9. Kopija i perevod instrukcii kapitana E.K. fon Medema, 1 marta 1727 g. (iz materialov missii P.M. Bestuzheva-Rjumina) [Copy and Translation of the Instruction of Captain E. von Medem, March 1, 1727 (From the Materials of the Mission of P.M. Bestuzhev-Rumin)]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 3, l. 67-74 r.
10. Memorija (chernovik) A.D. Menshikova A.V. Makarovu o Kurljandii i Morice Saksonskom, 1726 g. [Memorandum of A.D. Menshikov to A.V. Makarov About Courland and Maurice of Saxony, 1726]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 198, inv. 1, d. 226, l. 86-87.
11. Mnenie ob izbranii Morica Saksonskogo i kurljanskem voprose, fevral 1727 g. [Opinion on the Election of Moritz of Saxony and the Courland Question, February 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 5, d. 1, pt. 5, l. 269-276 r.
12. Nakishova M. «Kurljanskij vopros» v reljacijah general-policejmejstera A.M. Deviera [The “Courland Question” in the Reports of A.M. Devieir, General Chief of Police]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 955-979. DOI: 10.15826/qr.2024.3.918
13. Nakishova M.T. *Svetlejshij knjaz A.D. Menshikov v krugu spodvizhnikov Petra I* [Prince A.D. Menshikov in the Circle of Associates of Peter I]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2023. 470 p.
14. Nelipovich S.G. *Sojuz dvuglavyh orlov: russko-avstrijskij voennyj aljans vtoroj chetverti XVIII v.* [The Union of Double-Headed Eagles: A Russian-Austrian Military Alliance of the Second Quarter of the 18th Century]. Moscow, Kvadriga Publ., Obed. red. MVD Rossii, 2010. 408 p.
15. Otpusk pisma A.M. Deviera M.P. Bestuzhevnu-Rjuminu, 14 marta 1727 g. [Summary of a Letter from A.M. Devieir to M.P. Bestuzhev-Ryumin, March 14, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 160 r.-161 r.
16. Otpusk pisma A.M. Deviera M.P. Bestuzhevnu-Rjuminu, 27 fevralja 1727 g. [Summary of a Letter from A.M. Devieir to M.P. Bestuzhev-Ryumin, February 27, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 154-154 r.
17. Otpusk pisma A.M. Deviera P.I. Jaguzhinskomu, 8 fevralja 1727 g. [Summary of Letter from A. M. Devieir to P. I. Yaguzhinsky, February 8, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 132 r.-133.
18. Pavlenko N.I. *Menshikov: Poluderzhavnyj vlastelin* [Menshikov: Semi-Powerful Ruler]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2016. 399 p.
19. Perevod proshenija kurljanskogo rycarstva Avgusta II, 4 maja 1727 g. [Translation of the Petition of Courland Elite to Augustus II, May 4, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 53-53 r.
20. Perevod kopii zhurnala zasedanij Grodnenskogo sejma, 1726 g. [Translation of a Copy of the Minutes of the Meetings of the Grodno Sejm, 1726]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 79, inv. 1, 1726, d. 26, l. 63-73.
21. Perevod universala kurljanskogo rycarstva, janvar 1727 g. [Translation from the Station Wagon of Courland Elite, January 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 5, l. 217-228.
22. Pismo A.V. Makarova A.M. Devieru, 15 janvarja 1727 g. [Letter from A.V. Makarov to A.M. Devieir, January 15, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 6-7.
23. Pismo A.V. Makarova A.M. Devieru, 28 janvarja 1727 g. [Letter from A.V. Makarov to A.M. Devieir, January 28, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 12a-12b.
24. Pismo A.M. Deviera A.V. Makarova, 18 janvarja 1727 g. [Letter from A.M. Devieir to

24. Pismo A.V. Makarov, January 18, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 315-317.
25. Pismo A.M. Deviera A.V. Makarovu, 22 janvarja 1727 g. [Letter from A.M. Devieir to A.V. Makarov, January 22, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 322-323.
26. Pismo A.M. Deviera A.V. Makarovu, 4 fevralja 1727 g. [Letter from A.M. Devieir to A.V. Makarov, February 4, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 238-238 r.
27. Pismo Ekateriny I P.I. Jaguzhinskomu, 10 janvarja 1727 g. [Letter from Catherine I to P.I. Yaguzhinsky, January 10, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 142, inv. 1, d. 589, l. 2-2 r.
28. Pismo M.P. Bestuzheva-Rjumina A.M. Devieru, 15 fevralja 1727 g. [Letter from M. P. Bestuzhev-Ryumin to A. M. Devieir, February 15, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 1, l. 31-31 r.
29. Reestr komissarov, naznachennyh v Kurljandiju, 22 fevralja 1727 g. [Register of Commissioners Appointed to Courland, 22 February 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 5, l. 246-246 r.
30. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 1 fevralja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, February 1, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 232-233 r.
31. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 14 (25) fevralja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, February 14 (25), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 972-975.
32. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 14 (25) janvarja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 14 (25), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 967-969.
33. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 18 fevralja (1 marta) 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, February 18 (March 1), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 975-977.
34. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 22 fevralja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, February 22, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 242-245 r.
35. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 24 janvarja (4 fevralja) 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 24 (February 4), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 969-971.
36. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 28 janvarja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 28, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 230-230 r.
37. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 30 janvarja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 30, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 318-319 r.
38. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 4 marta 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, March 4, 1727]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, inv. 5, d. 1, pt. 1, l. 258-259.
39. Reljacija A.M. Deviera iz Kurljandii, 7 (18) janvarja 1727 g. [Report of A.M. Devieir from Courland, January 7 (18), 1727]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 964-967.
40. Reljacija P.M. Bestuzheva-Rjumina iz Kurljandii, 26 aprelja 1727 g. [Report of P.M. Bestuzhev-Ryumin from Courland, April 26, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 3, l. 81-81 r.
41. Sekretnyj reskript (chernovik) G.I. Golovkina i A.I. Ostermana P.M. Bestuzhev-Rjuminu, 23 marta 1727 g. [Secret Rescript (Draft) of G.I. Golovkin and A.I. Osterman to P.M. Bestuzhev-Ryumin, March 23, 1727]. *AVPRI* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 63, inv. 1, 1727, d. 2, l. 3-3 r.
42. Solov'yev S.M. *Istorija Rossii s drevnejshih vremen* [History of Russia since Ancient Times]. Saint Petersburg, T-vo «Obshhestvennaja polza», 1851-1879, book 4, vol. 16-20. 840 p.
43. Strods H. *Kurljandskij vopros v XVIII v. V 2 ch. Ch. 1* [Courland Question in the 18th Century. In 2 Pts. Pt. 1]. Riga, Latv. un-t, 1993. 204 p.
44. Tajnaja instrukcija A.M. Devieru o Kurljandii, 30 dekabrya 1726 g. (10 janvarja 1727 g.) [The Second Secret Instruction to A.M. Devieir About Courland, December 30, 1726 (January 10, 1727)]. Nakishova M.T. *Svetlejshij knjaz A.D. Menshikov v krugu spodvizhnikov Petra I* [Prince A.D. Menshikov in the Circle of Associates of Peter I]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2023, pp. 274-276.
45. Traktat oboronitelnogo sojuza, zakljuchennyj v Sankt-Peterburge mezhdu prusskим i rossijskим dvorami cherez obojudnyh ministrov, 21 avgusta 1726 g. [Treatise of a Defensive Alliance Concluded in Saint Petersburg Between the Prussian and Russian Courts Through Mutual Ministers, August 21, 1726]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Pervoe sobranie (1649-1825)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection (1649-1825)], vol. 7, no. 4947.
46. Traktat, zakljuchennyj v Vene mezhdu rossijskим i cesarskим dvorami, 6 avgusta 1726 g. [Treatise Concluded in Vienna Between the Russian and Imperial Courts on August 6, 1726]. Martens F.-F. *Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami. T. 1. Traktaty s Avstriej* [Collection of Treatises and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers. Vol. 1. Treaties with Austria]. Saint Petersburg, Tip. M-va putej soobshhenija, 1874, pp. 32-44.

47. Shubinskij S.N. *Pervyj Peterburgskij general-policmejster* [The First St. Petersburg General Chief of Police]. *Istoricheskij vestnik*, 1892, vol. 48, no. 5, pp. 427-448.
48. Shhebalskij P.K. *Knjaz Menshikov i graf Moric saksonskij v Kurljandii 1726–1727 gg.* [Prince Menshikov and Count Moritz of Saxony in Courland 1726–1727]. Moscow, Tip. Katkov i K°, 1860. 66 p.
49. Despréaux E. *Le cabinet de Versailles et le conflit entre la Russie et la Pologne en Courlande au début du XVIII siècle. Revue d'histoire diplomatique*, 1932, vol. 46, no. 3, pp. 368-387; no. 4, pp. 518-534.
50. Erren L. *Der Russische Hof nach Petr dem Großen 1725–1730. Eine Kulturgeschichte des Politischen*. Herne, Gabriele Schäfer Verlag, 2022. 679 S.
51. Kallmeyer Th. *Graf Moritz von Sachsen in Kurland. Eine historische Skizze. Separatabdruck aus dem „Rigaschen Almanach für 1859“*. Riga, Haecker, 1858, S. 1-42.
52. Kantecki K. *Komisja kurlandzka w 1727 roku. Przewodnik Naukowy i Literacki*, 1882, no. 10, pp. 12-39.
53. Kosińska U. *August II w poszukiwaniu sojusznika Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730)*. Warszawa, Wydawnictwo Neriton, 2012. 564 s.
54. Kosińska U. *Stosunki sasko-polsko-rosyjskie a sprawa Maurycego Saskiego i sukcesji kurlandzkiej w świetle relacji saskiego posła w Petersburgu Jeana Le Forta (1725–1728)*. Sokal S.F., Janushkevich A.M., eds. *Vjallkæ Knjastva Litojskæ i susedzi: prava, vajna, dyplamatyja*. Minsk, BIP – Instytut pravaznajstva, 2012, pp. 349-366.
55. Kraushar A. *Tragikomedya kurlandzka z czasów saskich (1727 r.)*. Kraków, Redakcja “Świata”, 1893. 33 s.
56. Oberländer E., Keller V., Hrsg. *Kurland. Vom polnisch-litauischen Lehnsherzogtum zur russischen Provinz. Dokumente zur Verfassungsgeschichte 1561–1795*. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 2008. 330 S.
57. Seraphim A. *Die Geschichte des Herzogthums Kurland (1561–1795)*. Reval, F. Kluge, 1904. 371 S.
58. Strohm K. *Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem*. Berlin, Verlag dissertation Publ., 1999. 404 S.
59. Taillandier S.-R. *Maurice de Saxe d'après des papiers inédite. Revue des deux mondes*, 1864, no. 51, pp. 639-677.
60. Treffer G. *Moritz von Sachsen – Marschall von Frankreich*. Regensburg, Pustet, 2005. 312 S.
- Weber K. *Moritz von Sachsen, Marschall von Frankreich; nach archivalischen Quellen*. Leipzig, B. Tauchnitz, 1863. 293 S.

Information About the Author

Marina T. Nakishova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Laboratory of Primary Sources Research, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620062 Yekaterinburg, Russian Federation, m-nakishova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-1663>

Информация об авторе

Марина Тазабаевна Накишова, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620062 г. Екатеринбург, Российская Федерация, m-nakishova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-1663>